

Н. С. Павлова

ПРИРОДА
РЕАЛЬНОСТИ
В АВСТРИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 83.3(0)5
П 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального министерства науки, образования
и культуры республики Австрия

Павлова Н. С.

П 12 Природа реальности в австрийской литературе. — М.:
Языки славянской культуры, 2005. — 312 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0106-3

Книга посвящена особому пониманию реальности в австрийской литературе. В текстах этой литературы неизменно повторялись, каждый раз в ином воплощении, два трудно соединимых качества — доверие к жизни, рождавшее в некоторые эпохи почти немыслимый оптимизм, и ощущение ее неустойчивости, зыбкости, трагичности. Знаки нетвердости повторялись в венских народных комедиях и в зыбких идилиях Штифтера, в двоящемся языке Кафки и в твердо описанной, но сгинувшей, как мираж, картине австрийской монархии у Р. Музилы. Автора книги занимал смысл колебаний этой литературы между двумя ее полюсами, соответствие формы жизни и форм литературы. Материалом служило творчество крупнейших австрийских писателей — Грильпарцера, Штифтера, Тракля, Кафки, Канетти, Хорвата, Музилы, Бернхарда, Целана при особом внимании к отношениям австрийской, немецкой и русской культур.

ББК 83.3(0)5

В оформлении переплета использован фрагмент картины Г. Климта «Древо жизни»

Нина Сергеевна Павлова
ПРИРОДА РЕАЛЬНОСТИ
В АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета Ю. Саевича и С. Жигалкона.

Корректор Т. Марелло. Оригинал-макет подготовлен А. Каминским

Подписано в печать 14.09.2005. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Баскервил.

Усл. печ. л. 20. Тираж 1000. Заказ № 5576.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. M153)

E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова,
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2

© Н. С. Павлова, 2005
© Языки славянской культуры, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Предисловие.....	9
О характере австрийской литературы.....	13
«Кроткий закон»	47
Грильпарцер и русский символизм	60
Характер конфликта в новеллах Марии Эбнер-Эшенбах.....	84
Образ Вены в русской культуре (1890—1910)	92
«Записки Мальте Лаурида Бригге» Р. М. Рильке как образец романной прозы XX века	110
«Покой и молчание» Г. Тракля (к вопросу о неклассическом типе художественного целого) (Совм. с С. Н. Брайтманом)	133
Форма речи как форма смысла: «Процесс» Фр. Кафки	148
Элиас Канетти. «Ослепление»	169
Театр Хорвата и его законы	198
О свойствах романа Музилля «Человек без свойств».....	234
Реальность и жанр у Бернхарда.....	268
Об одном стихотворении Пауля Целана и Осипе Мандельштаме	298
Вместо заключения.....	308
Предшествующие публикации.....	312

*Памяти
Вольфганга Крауса*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Австрийская литература занимает особое положение среди литератур мира. Язык и глубокая общность связывает ее с культурой других немецкоязычных стран (прежде всего Германии). И в то же время это литература от немецкой отличная, в ряде случаев она более близка литературе русской и другим литературам Европы. Австрийской культуре свойственно глубокое и своеобразное понимание жизни. Это понимание естественно меняется с ходом времени. Но некоторые исходные его черты передаются от эпохи к эпохе, отражаясь в текстах культуры более явственно, чем неопределенность национального характера, или «менталитета».

От века к веку в австрийской литературе и в жизни страны неизменно повторялись два трудно совместимых качества. Со времен Средневековья жизнь на австрийских землях воспринималась, несмотря на потрясения, как установленный и нерушимый порядок, как дар Бога, который оставалось только беречь и преумножать. Смысл жизни таился в ней самой. Такое сознание рождало, писал А. В. Михайлов, «почти неслыханный оптимизм» этой литературы (исследователь имел в виду прежде всего австрийскую классику)¹. Но истоки такого жизнеприятия сложны и в своей полноте вряд ли уловимы. Впоследствии Макс Вебер видел главную причину подобной успокоенности в католической

¹ А. В. Михайлов. Из источника великой культуры // Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX—XX веков в русских переводах. М., 1998. С. 20.

конфессии, противопоставляя ей подвижность и предпримчивость протестантизма².

Но вера в раз установленный твердый порядок — лишь одна сторона представления о реальности в австрийской литературе. Органически сочетаясь с первой, в ней существует и прямо противоположное начало. Жизнь, вызывавшая к себе доверие, представляла одновременно способной к превращениям — многоликой, неустойчивой, нетвердой, зыбкой.

Еще на рубеже XII—XIII веков Вальтер фон дер Фогельвейде написал строчки, замечательные не только своей поэтичностью, но своим знаковым характером для австрийской литературы:

*Owe war sint verswenden all mine iar:
ist min leben getrömet oder ist es war...*

О, где исчезли все мои годы:
Снилась ли мне моя жизнь или она была...

В дальнейшем те же знаки нетвердости повторялись почти в каждом выдающемся произведении этой литературы: в народных комедиях, в пьесах Раймунда («Крестьянин-миллионер», 1826), в зыбких идyllиях Штифтера, в пьесах Грильпарцера, одна из которых называется (с несомненной памятью о Кальдероне) «Жизнь-сон» (1834). И дальше — в двоящемся языке Кафки, в знаменитой пьесе Гофманстала «Трудный характер» (1920) и в его либретто к опере «Кавалер роз», которые сам автор отказался понимать иначе, чем «документы австрийской сущности»³; в соединении «двух действительностей» в камерном мире Шницлера, в романе Музиля «Человек без свойств» (1943), иронически обыгрывавшем «крепость» австрийской монархии, — и так вплоть до нашего времени. Зыбкость оборачивалась не толь-

² Max Weberr. Die Protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Tübingen, 1904—1905.

³ Hugo von Hofmannsthal. Gesammelte Werke. Hg. Von B. Scholler in Beratung mit R. Hirsch. Reden und Aufsätze. Bd. 2. 1914—1924. Frankfurt am Main, 1979. S. 476.

ко отсутствием твердости, но и снятием границ, соприкосновениями малого с бесконечным (Рильке) или трагическими парадоксами в творчестве Бернхарда.

Движущаяся жизнь и движущаяся литература не укладываются, без существенного «остатка», в самые продуманные и тщательно разработанные концепции их развития. Исключением не является даже знаменитая книга Клаудио Магриса «Габсбургский миф в австрийской литературе» (*C. Magris. Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur*, 1966), объяснявшего характер австрийской словесности зависимостью от владычества Габсбургов. Книга Магриса восхищала остротой мысли. Но она же вызывала несогласие. «Австрийская литература — пленница австрийского мифа?»⁴ — сформулировал свое сомнение зальцбургский профессор Вальтер Вайс.

Для автора данной книги главный интерес составляет обозначенная А. В. Михайловым проблема глубокого соответствия «внутреннего устройства литературы» и «внутренней устроенности жизни». Жизнь, писал Михайлов, постоянно творит свои внутренние формы, свой «*endon eidos*» — свой увиденный (обозначившийся) образ — «и эта внутренняя форма творит органически подобающее себе выражение...»⁵. Или, другими словами: «Внутреннее устройство произведений эпохи отражает устроенность самой эпохи (как почвы культуры)»⁶.

«Двуликость реальности» возникает в главах книги, следуя за ходом литературы и выраженной ею «внутренней формы» жиз-

⁴ *Walter Weiss. Österreichische Literatur — eine Gefangene des habsburgischen Mythos?* // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Jg. 43. 1969. См. также статью Мартина Штерна, отрицающую зависимость крупнейшего австрийского писателя XX века Г. фон Гофманстала от «габсбургского мифа». — *Hofmannsthal und das Ende der Donaumonarchie // Die Österreichische Literatur. Ihr Profil von der Jahrhundertwende bis zur Gegenwart (1880—1980)*. Graz, 1989. S. 727.

⁵ А. В. Михайлов. Обратный перевод. М., 2000. С. 123. Далее ссылки на это издание в скобках в тексте.

⁶ А. В. Михайлов. Проблема анализа перехода к реализму в литературе XIX века. М., 1980. С. 107.

ни. Видоизменяясь порой до неузнаваемости, эта «форма» проявляется в связи с вопросами и задачами разных художественных эпох и творчеством разных писателей. Занимаясь творчеством выдающихся писателей, представленных в книге с разной степенью подробности, автор считал своей целью постижение смысла постоянных колебаний этой литературы между двумя ее полюсами⁷.

⁷ Автор опирался на зарубежные исследования, по-разному подходившие к данной проблеме: *Oskar Benda. Die Österreichische Kulturidee.* Wien, 1936; *Alfred Doppler. Geschichte im Spiegel der Literatur. Aufsätze zur österreichischen Literatur des 19. Und 20. Jahrhunderts.* Innsbruck, 1990; *Joseph P. Strelka. Zwischen Wirklichkeit und Traum. Das Wesen des Österreichischen in der Literatur.* Tübingen und Basel, 1994. *Werner M. Bauer. Die deutschsprachige Literatur Österreichs nach 1945 // Herbert Zeman. Literaturgeschichte Österreichs.* Graz, 1996 (обзор литературы, с. 514—516).

О ХАРАКТЕРЕ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Начать нужно с того, чтобы в общих чертах определить место литературы Австрии среди литератур мира. Вплоть до XX века редко осознавалась ее неповторимое своеобразие: чаще всего она воспринималась как часть немецкой литературы. Но и сама австрийская литература, да и культура в целом часто молчали о себе, заявляя о своем существовании лишь творчеством своих великих писателей, композиторов, художников. Показательно, что опыты создания истории австрийской литературы предпринимались редко и были завершены вплоть до конца XX века лишь трижды: в 1849 году вышла однотомная история австрийской литературы Йозефа Тоскано дель Баннера; многотомная «Немецко-австрийская история литературы», начатая в 1889 году, была доведена многочисленными ее авторами до завершения в 1937 году; наконец, Йозеф Надлер выпустил в 1948 году свою «Историю литературы Австрии»¹. Только с конца XX века в Австрийской республике выходят фундаментальные истории отечественной словесности². Но и в 1997 году в Германии проходит конференция, посвященная не снятой с повестки дня проблеме: «Сколько существует немецких литератур?»³

¹ См. об этом: *Herbert Zeman (HG). Literaturgeschichte Österreichs.* Graz, 1996. S. VII—VIII.

² *Geschichte der Literatur in Österreich von den Anfängen bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Zeman.* In 7 Bdn. Graz, 1999.

³ *Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft.* Stuttgart, 1997. S. 551—567.

Разумеется, молчание австрийцев о своеобразии своей литературы было не абсолютным. Ее классик Франц Грильпарцер писал еще в 1837 году: «Если говорить об австрийских писателях в отличие от других, то чем же они от других отличаются? Чем иначе, как не тем, что, как преимущество или недостаток, отличает их от других современных немцев. Это, скорее всего, три свойства — скромность, здравый смысл и искренность чувства»⁴. Как будто бы частные черты, названные Грильпарцером, на самом деле затрагивают коренные свойства австрийской культуры, сохранявшиеся в ней, несмотря на все исторические катастрофы. Эти черты, как и другие не менее важные, укоренены в австрийской действительности⁵.

Зарождение австрийской государственности относится к эпохе Средневековья. Карл Великий, коронованный императором в 800 г. в Риме, добился торжества своей власти и на будущих землях Австрии. В дальнейшем определяющую роль в истории страны сыграли две австрийские династии — Бабенбергов (976—1246) и Габсбургов (1273—1918). Ко временам Бабенбергов относится ранний расцвет австрийской культуры (начало строительства дворца Хоффбург в Вене; высший взлет австрийского миннезанга). В 1273 г. немецким королем был избран Рудольф Габсбург. С середины XV в. Габсбурги почти непрерывно владели немецкой имперской короной. В XVI в. к ней была присоединена корона Богемии, а в начале XVIII в. — корона Венгрии. Многонациональная империя Габсбургов, в состав которой в XVI в. входили Богемия, Силезия, часть Венгрии и часть польских, а также южно-славянских, итальянских и других земель, стала в ситуации наступления Османской империи политической опорой Центральной и Юго-Восточной Европы. В 1806 г. на месте изжившей себя Римской империи германской нации была

⁴ Franz Grillparzer. Worin unterscheiden sich die österreichischen Dichter von den übrigen? // Fr. Grillparzer. Sämtliche Werke. Bd. 3. München, 1964. S. 809.

⁵ О феномене австрийской литературы в ее связях с австрийской историей писал Д. В. Затонский: Д. В. Затонский. Австрийская литература в XX столетии. М., 1985. С. 10—114.

привозглашена Австрийская империя, в 1867 г. превращенная в дуалистическую монархию Австро-Венгрию. Ядром этого государства, его правящим центром оставались западные земли, Цислейтания, заселенная австрийскими немцами, численно, однако, составлявшими меньшинство. Их культура, прославившаяся такими великими именами, как композиторы Моцарт, Гайдн, Шуберт, как долго живший в Вене Брамс, а также Брукнер, Шенберг, Веберн; такими художниками и архитекторами, как Вальдмюллер, Климт, Кокошка, О. Вагнер; такими писателями, как Раймунд, Нестрой, Ленау, Грильпарцер, Штифтер, а за последний век — Гофмансталь, Рильке, Тракль, Музиль, Кафка, Брох, Канетти, Бернхард, Целан, была по сути культурой многонациональной. Австрийским в этой стране стало то, что сумело впитать в себя многоголосие разных культур, духовность многих народов, на земле империи обитавших, а кроме того Италии, северной частью своей недолго входившей в состав австрийских владений, Испании и Франции (через Габсбургов). Австрийским стало то, что вобрало в себя все это и так и жило, проходя через исторические катастрофы от Средневековья до наших дней. Особенностью этой культуры оставалось на протяжении веков не самоутверждение, не закрытость, а, напротив, восприимчивость к культурам других народов.

Несмотря на не угасавшую в стране борьбу чехов, хорватов, русинов, словаков, поляков за свои права и независимость, многонациональная монархия, терявшая одну землю за другой, продолжала свое многовековое существование. Еще и в 1914 г., за четыре года до ее крушения, престарелый император Франц-Иосиф назвал свое обращение к населению страны в связи с начавшейся мировой войной «К моим народам».

Свойственная австрийской культуре открытость проявлялась в разных видах искусства и в разные времена. Венская народная комедия впитала в себя не только собственную фольклорную традицию, но и опыт итальянской *commedia dell'arte*, и бенедектинского и иезуитского орденского театра, как и английских бродячих трупп, и испанского театра. В драматургии Грильпарцера, а в XX веке Г. фон Гофманстала заметно влияние испан-

ского барокко, Кальдерона и Лопе де Вега⁶. История и культура славянских народов отозвались в драме Грильпарцера «Либусса», воссоздавшей мир старинных богемских преданий; Штифтер в романе «Витико» обращается к событиям чешской истории. Действие многих его новелл протекает в лесистых горах Богемии и на степных просторах Венгрии. В музыке Брамса и Малера звучат венгерские и славянские национальные мотивы. Вклад в сокровищницу австрийской культуры, особенно начиная с рубежа XX в., внесли евреи, часто приходившие с окраин империи: Фр. Кафка и Й. Рот, З. Фрейд и А. Виттгенштейн, Г. Малер и А. Шенберг, А. Шницлер и Э. Канетти. Австрийская культура многоголоса. Но ее собственное воздействие мягко и ненавязчиво. Отсвет «австрийскости» лежит и в XX в. на творчестве итальянского писателя Итalo Свево, поляка Бруно Шульца, югославов М. Крлехи и Иво Андрича⁷. Но собственные ее свойства не выявлены, разлиты в ней с той самой скромностью, о которой говорил Грильпарцер. Такой невыявленности способствовал сам характер австрийского самосознания.

«Со времен феодализма, с царства Максимилиана I, через бури Реформации и контрреформации, через турецкую агрессию, наполеоновские войны, через весь XIX в. в австрийских землях сохраняется, изменяясь, сознание порядка, или упорядоченности, которое стало существенным признаком австрийской культуры. Включение человека в осмысленный (угодный Богу) мировой порядок отвечает духу австрийской культуры»⁸. Истоки этого сознания вряд ли уловимы во всей полноте. Его устойчивость, быть может, коренилась в естественных связях с народными основами. Ни в одной другой немецкоязычной культуре не выразилось в такой степени театрально-музыкальное народ-

⁶ См. об этом: К. М. Азадовский. Театр Лопе де Вега и драматургия Грильпарцера // Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. Т. 362. Л., 1968. С. 283—301.

⁷ Claudio Magris. Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur. Salzburg, 1963. S. 14.

⁸ Geschichte der Literatur in Österreich von den Anfängen bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Zeman. In 7 Bdn. Bd. 7. S. 650.

ное начало. «Волшебная флейта» Моцарта (1791) — это неповторимое соединение великого оперного искусства и сложных просветительских идей с оперой-сказкой, с распространенной в театрах старой Вены «пьесой с пением» (*Alt-Wiener Singspiel*), с обязательными в балаганах чудесными превращениями и волшебными зверями. Или другой пример: от Гайдена до Гуга Вольфа композиторами культивировался здесь жанр песни, имевший ясно уловимую народную традицию. А если вернуться к литературе, то тут вплоть до наших дней не обрываются связи с народным барокко (Т. Бернхард), с неисчерпавшим себя традиционным для австрийской культуры вниманием к эмпирике жизни (Хеймито фон Додерер). «Эта веселая ясность, народный дар, эта просветляющая стихия неунывающей общительности — видимо, именно она и отличает прежде всего фольклорное в поэзии от литературного», — писал в 1916 г. Гофмансталь в статье «Австрия в зеркале своей литературы», сравнивая немецкую и австрийскую культуры⁹. Он же, поражаясь отсутствию диалектики в народе, усматривал, однако, в этом «высшую мудрость», ибо: «Жизнь — это полное, без остатка соединение несоединимого»¹⁰. Такое приятие, включение единичного в рамки целого Гофмансталь считал характерной особенностью австрийского отношения к жизни.

На то были и другие исторические и культурные причины.

Более спокойное по сравнению с немецкими княжествами мировосприятие определялось, в частности, тем, что крестьянство в пограничных районах с Портой оставалось в австрийских землях опорой короны в борьбе против турок и пользовалось в связи с этим в отдельных областях некоторыми важными преимуществами. В австрийских землях не было столь разительной пропасти между сословиями, какая отличала, например, Германию. Национальной катастрофой не стала здесь Реформация XVI в., разделившая в германских землях народные массы на приверженцев Т. Мюнцера и М. Лютера.

⁹ Гуг фон Гофмансталь. Избранное. М., 1995. С. 645.

¹⁰ Там же. С. 719, 723.